

ПАНСОФИЧЕСКИЕ ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ В НАСЛЕДИИ ПЕРВЫХ ЧУВАШСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

Воробьева И.В.¹, Тенякова Е.А.¹, Кордон Т.А.¹

¹ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», Чебоксары, e-mail: ds2826@yandex.ru

В статье на основе анализа архивных источников, историко-педагогической, этнографической, этнопедагогической, эпистолярной и мемуарно-публицистической литературы авторами освещено этнопедагогическое наследие учеников и соратников просветителя Ивана Яковлева, первых чувашских учителей – Алексея Васильевича Рекеева (1847–1932), Игнатия Ивановича Иванова (1848–1885), Никифора Михайловича Охотникова (1860–1892). Выявлена схожесть их просветительно-педагогических идей об использовании «духовных сокровищ этнопедагогической пансофии» в учебных и воспитательных целях, о формировании гармоничной личности учащихся на основе национальных обычаев, традиций, устного поэтического творчества родного народа. Показана колоссальная работа просветителей по сбору и изучению фольклорных, этнографических материалов, пансофических универсалий этнопедагогики – пословиц и поговорок, считалок и потешек, загадок и игр, вышивок и орнаментов, сказок и легенд, преданий и песен, по их апробации и творческому использованию в школьной практике, по созданию философско-педагогических трудов для народного просвещения («Записки чувашина о своем воспитании», «Грамота среди чуваш», «Чувашские песни» Охотникова, нравоучительные бытовые рассказы Иванова, просветительские статьи Рекеева «Из чувашских преданий и верований» и др.), которые не потеряли своей значимости и по сей день.

Ключевые слова: этнопедагогика, пословицы, загадки, сказки, песни, народные традиции, первые чувашские просветители-учителя.

THE UNIVERSAL FEATURES OF THE PANSOPHIC ETHNO-PEDAGOGY IN THE HERITAGE OF THE FIRST CHUVASH ENLIGHTENERS

Vorobeva I.V.¹, Tenyakova E.A.¹, Kordon T.A.¹

¹The Chuvash State Pedagogical University named after I. Y. Yakovlev, Cheboksary, e-mail: ds2826@yandex.ru

The article covers the ethnopedagogical heritage of the pupils of the enlightener Ivan Yakovlev, the first Chuvash teachers - Alexei Vasilievich Rekeev (1847-1932), Ignaty Ivanovich Ivanov (1848-1885), Nikifor Mikhailovich Okhotnikov (1860-1892), based on the analysis of archival sources, historical pedagogical, ethnographic, ethno-pedagogical, epistolary and memoir-journalistic literature. The similarity of their educational ideas on the use of «spiritual treasures of ethno-pedagogical pansophy» in educational purposes, the formation of a harmonious personality on the basis of national traditions, oral creativity of the native people is revealed. The colossal work of the enlighteners on the study of folklore materials, pansophical universals – proverbs, sayings, counters, nursery rhymes, riddles, games, embroideries, ornaments, fairy tales, legends, songs as well as their approbation and creative use in school practice, the creation of philosophical and pedagogical works for public education («Notes of a Chuvash on his upbringing», «Literacy among the Chuvash people», «Chuvash songs» by Okhotnikov, moralistic stories by Ivanov, educational articles by Rekeev «From the Chuvash Traditions and Beliefs») which haven't lost the significance to this day is shown.

Keywords: ethnopedagogics, proverbs, riddles, fairy tales, songs, folk traditions, the first Chuvash enlighteners-teachers.

В нашей многонациональной, многоконфессиональной стране активно разрабатываются историко-педагогические, этнопедагогические проблемы, значимые для учета преемственности в общей системе образования для развития подлинно национальной школы. «Педагогика может эффективно функционировать преимущественно только в качестве этнопедагогики, по сути своей являющейся, с одной стороны, педагогикой национального возрождения, с другой – этнопедагогической пансофией, основой

гармонизации межнациональных отношений», – неоднократно подчеркивал основатель науки «Этнопедагогика» чувашский, российский ученый с мировым именем Г.Н. Волков [1, с. 2]. Взаимопонимание между народами предполагает знание их особенностей и традиций, о необходимости возрождения которых как «одной из ключевых проблем» воспитания убедительно высказывается Президент России В.В. Путин. И в этой связи этнопедагогические исследования чрезвычайно важны. В Год просветителя И.Я. Яковлева, объявленного в Чувашской Республике в 2018 г., и в год 180-летия Симбирской чувашской учительской школы весьма желательно вспомнить этнопедагогическое наследие ее первых учеников, учителей-яковлевцев, предвестников этнопедагогике А.В. Рекеева (1847–1932), И.И. Иванова (1848–1885), Н.М. Охотникова (1860–1892).

Цель исследования: проанализировать творческое использование пансофических универсалий этнопедагогике (пословиц, поговорок, загадок, сказок, песен) в деятельности первых чувашских учителей, не потерявшей своей значимости по сей день.

Материалы и методы исследования. Материалами исследования служили архивные источники, историко-педагогическая, этнографическая, этнопедагогическая, эпистолярная, мемуарно-публицистическая литература по обозначенной проблеме. Исследование проводилось на системно-обобщающем, культурологическом, социально-историческом, ретроспективном, сравнительно-сопоставительном подходах.

Результаты исследования и их обсуждение. При исследовании жизнедеятельности первых чувашских педагогов Алексея Васильевича Рекеева, Игнатия Ивановича Иванова, Никифора Михайловича Охотникова нами выявлены сходство их мировоззрения на пансофические универсалии этнопедагогике (по Г.Н. Волкову), единство во взглядах на образование и воспитание, схожесть просветительских и этнопедагогических идей [2-4]. Названные ученики и соратники чувашского просветителя Ивана Яковлевича Яковлева, последователи Константина Дмитриевича Ушинского обращались в своей деятельности именно к национальным традициям, к самобытному народному искусству мировосприятия и воспитания, к сказкам и легендам, пословицам и поговоркам, потешкам и считалкам, загадкам и преданиям, песням и пляскам, древнейшим обрядам молитв и ритуалов, вышивкам и орнаментам, играм и др. Носители и хранители народной мудрости, первые чувашские просветители собирали и творчески применяли в учебных, воспитательных, просветительских целях эти «духовные сокровища этнопедагогической пансофии» [1, с. 403].

Эффективным дидактическим материалом для эстетического воздействия на подрастающее поколение первые чувашские учителя считали песни, ценные музыкально-поэтическим оформлением идеи – этической, эстетической и педагогической [1, с. 460].

Один из активнейших собирателей песен Н.М. Охотников, доказывая, что «чувашская натура не бедна песнями» [5, с. 3], сделал анализ чувашских деревенских песен, разделив их на трудовые, свадебные, праздничные, гостевые, плясовые, хороводные, сатирические, шуточные, лирические. Он писал, что в разных губерниях и уездах пели разные песни, в определенные праздники – определенные песни, на Масленицу пели одни песни, на пирушках (еҫкӗ) – другие [6, с. 3. 7, с. 164. 5, с. 17]. В своей работе «Записки чувашина о своем воспитании» Н.М. Охотников описывает национальную традицию чувашей встречать и провожать дорогих гостей песнями, например приход дедушки Никифора в гости к своей родственнице: «Преклонив пред ним головы, две племянницы... вставали на колени и начинали петь песни, подав ему ковш пива» [5, с. 15–16]. Охотников как исследователь отмечал, что напев песен зависел от их содержания, делался печальным, когда исполнялись песни при проходах невесты замуж. В них звучала «мольба пред родителями... не считать ее чужой, когда она покинет родное гнездо», неопределенность будущей судьбы в доме мужа [7, с. 164]. Напев «подблюдных песен» во время праздников «протяжный и заунывный... наводит на мысль, что народ терпит нужду... общую для всех чуваш» [5, с. 17]. У песен в процессе труда «мотив какой-то особенный» [7, с. 153], – отмечал Охотников, вспоминая, как его бабушка пряла пряжу или вязала и тихо-тихо пела старинные чувашские песни. Он восхищался образным поэтическим строем, красотой стиха и мелодии, мысли и содержания чувашских народных песен, в которых, по утверждению педагога, «нет искусственного изощрения мотивов, они поются просто и естественно» [6, с. 3]. По мнению Охотникова, чуваша пели для того, чтобы хоть как-то облегчить нелегкую крестьянскую работу и украсить свою тяжелую жизнь.

Хороводные чувашские песни, записанные и переведенные на русский язык Никифором Охотниковым, которые он впоследствии использовал в учебно-воспитательной работе с детьми, несомненно, несут в себе определенные этнопедагогические идеи: уважение родителей («аттепеле анне пур ҫинчен, мён хуйӑх пур ҫамрӑк пуҫ ҫинче» – «пока живы родители, нет горя молодым»), «пирён атте-анне пурлӑхӗ, пире те тивет ырлӑхӗ» – «то, что имеют отец и мать, есть и для нашего счастья»), гостеприимство и почитание старших («хуҫисене пуҫ ҫапма Турӑ хушнӑ» – «хозяевам кланяться Бог велел»), умственное воспитание, расширение познавательных интересов («ӑс хаклӑ,... чӗре варнерех – «ум дорог..., класть его глубоко в сердце», знакомство с географией страны, ее городами – «Питер хулин пурлӑхӗ, Мускава та тивет ырлӑхӗ; Кримски ҫӗлӗк, шур хӗрпу» – богатство Питера, достоинств Москвы и Крыма) [2, с. 134].

Первый официальный учитель Симбирской школы Василий Калашников организовал в школе И.Я. Яковлева хор мальчиков, чье «стройное пение» приезжали слушать «верст за

сто и более», вместо пения молитв. По воспоминаниям Алексея Рекеева, мальчики с наслаждением пели о бабушкином козликe [8, с. 137], т.е. народные песни. Он считал, что педагогическая ценность таких песен в том, что красивому пению учили детей, а сами песни учили их прекрасному и доброму [1, с. 460]. Придавая большое значение хоровому искусству, чувашские просветители также несли песенно-хоровую культуру в деревни и села. По примеру Василия Калашникова Н.М. Охотников создал в Сунчелеевской школе хор, где пели и взрослые. Никифор Михайлович был убежден, что пение привязывает народ к школе и церкви, особенно если это пение на родном языке [7, с. 51]. Похожая картина была и в школе И.И. Иванова. Пение детей приходит слушать и взрослое население деревни обычно вечерами, «потому что нельзя же петь все в классе», – писал Игнатий Иванович [8, с. 138]. А.В. Рекеев сообщал И.Я. Яковлеву, что на уроке пения с учениками «мы научились разбирать ноты по цифирной системе» [8, с. 137]. Педагоги-гуманисты стремились с помощью песнопений, даже в том числе и церковных, воздействовать на чувства, сознание, поведение учеников, воспитывать в них доброе и прекрасное.

К пению, песне, выражающей вековые ожидания, чаяния и сокровенные мечты чувашского народа, к его самобытности, содержащей философские мысли, только что упомянутые учителя относились не только как к педагогической, этнопедагогической, но и как к национальной культурной ценности. Они мечтали о том, чтобы чувашские песни как богатый этнографический и филологический материал были опубликованы [5, с. 21].

Такие этнопедагогические миниатюры, как пословицы, поговорки, загадки, первые чувашские учителя считали источником богатейшей информации, эффективным педагогическим средством, содержащим как бы «заповеди воспитания» [9, с. 183]. Целью пословиц, «живого голоса народа» [1, с. 430] всегда было разумное воспитание. Становление Алексея Рекеева, Игнатия Иванова и Никифора Охотникова происходило на народных традициях в этнопедагогическом пространстве чувашской семьи через песни, сказки, легенды, загадки. С детства они воспитывались на чувашских пословицах и поговорках, носящих пансофический характер: о трудовом воспитании: «Ёс – пурнăс тыткăсĕ» – «Труд – основа жизни»; об умственном воспитании: «Ăслă ҫынпа ҫÿресен, ăслă пулăн» – «С умным водясь, умным станешь»; о духовно-нравственном воспитании: «Усал куракан усал пулĕ, ыр куракан ырă пулĕ» – «Дурное кто видит, дурным станет; кто на доброе смотрит и видит, сам хорошим будет».

Первые чувашские учителя Рекеев, Иванов и Охотников строили свои уроки, следуя этнодидактическим требованиям, отраженным в пословицах: давать образовательный материал системно, последовательно, взаимосвязанно, доступно; шире использовать наглядные средства обучения; добиваться от учащихся прочного усвоения материала на

основе сознательности, активности; максимально стараться приближать его к повседневной жизни; учить детей трудиться самостоятельно; воспитывая, обучая, и обучая, воспитывать. Такие же требования к воспитанию детей ставил чувашский народ, о чем свидетельствуют его поговорки и пословицы: о требовании доступности повествуется в пословицах «Тăвайман ёсе ан тытăн» – «За дело непосильное не берись», «Вайăнтан ытлашшине ан сёкле» – «Не поднимай, что тебе не по силам». О необходимости крепкого усвоения знаний говорится в пословице «Илтнине ан ман, курнине асту» – «Услышанное не забудь, увиденное помни». Как требование наглядности можно истолковать пословицу: «Хăлхуна ан ёнен, куçупа курсан ёнен» – «Не верь ушам своим, а верь в увиденное глазами». Требование сознательности в обучении выражено в пословице «Тăнла та йнла» – «Запоминай и осмысливай» и т.д.

Сбору и изучению устно-поэтического этнопедагогического материала первые чувашские просветители придавали огромное значение. Из фольклора, созданного чувашами в течение столетий и веков, они черпали материал для своего творчества. Выразительность и образность языка, национальный колорит использовались чувашскими педагогами в целях развития, совершенствования и улучшения литературного языка. На устном народном творчестве они воспитывали у чувашских детей национальную гордость и самосознание, любовь к родному народу и другие высокие нравственные качества. Отбирая его лучшие образцы, И.И. Иванов создает, например, свои бытовые рассказы, направленные на воспитание в читателях критического отношения к окружающей действительности, осуждение житейских пороков и утверждение разумного, прогрессивного в жизни. Большинство названий рассказов Игнатия Иванова являются пословицами: «Тёпсёр сынна тёмен ситмен» – «Беспутному и тьмы не хватило», «Лайăх асла, кăмăлла сын пурне те йурăхла» – «Умный и добрый человек всем пригож», «Аттăна тăхăн та сăпатана кăларса ан пăрах» – «Сапоги обувай, да и лапти не выбрасывай», «Ача-пăчана ашшĕ-амăшĕ мул париччен ас пама кирлĕ» – «Родители, прежде чем деньги своим детям давать, должны уму-разуму их научить», «Начар сухаланă ана сине сум пусать, начар сынна сын пусмăрлать» – «Плохо вспаханное поле сорняками зарастает, слабого человека сильный угнетает», «Сынна мулшăн туман, мула сыншăн тунă» – «Не человек для денег, а деньги для человека», «Сынна усал тăвакан хайте усал курать» – «Кто чинит людям зло, тому самому зла не миновать», «Пёр сынах пётĕм яля пăсать» – «Один человек портит всю деревню», «Сынна епле тăвăн, ху та савна курăн» – «Как аукнется, так и откликнется». Эти нравоучительные рассказы на чувашском языке напоминают по содержанию и композиции этические беседы, носящие дидактический характер. В каждом из них на конкретном примере из деревенской жизни раскрывается моральный смысл той или иной пословицы. Подобные начала почти всех

рассказов И.И. Иванова могут сразу же ввести читателя в курс событий, «заинтриговать» его, служат осуществлению непосредственного общения автора с читателями или слушателями. Тем самым, по мнению исследователей, педагогу-писателю удалось в значительной степени усилить воспитательное воздействие рассказов, которые были близки и доступны как взрослым, так и детям. В своих произведениях, являющихся для своего времени энциклопедией воспитания [8, с. 177–178, 186], учитель-гуманист воспекает лучшие качества человека, одновременно осуждая низких, морально опустошенных людей, высмеивает их пороки: ханжество, лицемерие, скупость, лживость, лень, пьянство, распушенность, хвастливость, жестокость. Так, в рассказе «Один человек портит всю деревню» человек по имени Васька очень невоспитан, бескультурен, постоянно лжет, сплетничает, «мутит воду» в деревне. Михеле из рассказа «Беспутному и тьмы не хватило» был избалован отцом, родители чересчур ласкали его. Рано женился, втайне от отца начал продавать зерно. А когда отец обнаружил это, сын решил его отравить, долго издевался над ним. Тем временем прокутил имущество, остался без крова и хлеба. В противоположность этим образам Микка из рассказа «Умный и добрый человек всем пригож» поддерживал людей не только добрыми советами, но и материально, никогда не отказывал в помощи бедным, давал им займы деньги, зерно и т.п. Показ писателем как положительных, так и отрицательных героев облегчает учащимся возможность правильно оценивать поведение и поступки людей.

Часто первые чувашские учителя использовали в учебно-воспитательном процессе такие пансофические универсалии этнопедагогике, как загадки, загадки-вопросы, загадки-задачи, требующие от учеников смекалистости и сообразительности. Например, загадку из книги К.Д. Ушинского на уроке по теме «Глина и песок»: «Был я на копанце, был я на топанце, был на пожаре, был на базаре; молод был – семью кормил, стар стал – пеленаться стал, умер – выкинули в поле, там меня ни зверь не ест, ни птица не клюет» [8, с. 166]. Или на уроке математики: «Две восьмерки, шестнадцать, одна девятка и еще пять – сколько?» Или: «Живут вместе бабушка, две матери, две дочери. Сколько всего в семье женщин?» [2, с. 86]. Педагоги понимали, что загадки ценны как полезное упражнение для ума ребенка, для обогащения его словарного запаса, для приобщения к прекрасному.

По словам Н.М. Охотникова, единственным, из чего складывалось его «детское мирозерцание», были непосредственные впечатления от окружающей жизни, а также «произведения чувашской фантазии и мысли» – сказки, поверья, легенды, поговорки, пословицы [5, с. 6; 7, с. 148]. Никифор с детства любил слушать сказки, которые рассказывали старики, лучшие мастера-сказочники в деревне, и в своих воспоминаниях написал об одном из ярких представителей народной педагогики дедушке Ельми. Этот старик из некрещенных чувашей, которого уважали в деревне, любили дети и радовались его

приходу, «всякий раз рассказывал» удивительные сказки, а дети слушали его очень внимательно, усевшись к нему поближе. В сказках поднимались проблемы труда и трудолюбия, привития молодежи любви к отцу и матери, уважения к старшим, формирования таких моральных черт, как гордость за героическое прошлое семьи, рода, народа. В сказках деда Ельми Никифору больше всего нравились моменты чудесного, «во что... или искренно верил, или хотел верить» [7, с. 148]. Н.М. Охотников вспоминал педагогическое мастерство рассказчика: дедушка Ельми мог «приковывать внимание к своему рассказу», поскольку был очень наблюдателен, знал психологию детей и, замечая, что они устали, останавливался в середине сказочного повествования, отказывался продолжать. Все дети начинали просить его, «чуть не умолять», чтобы дедушка окончил свою занимательную историю [7, с. 148]. Этим народным приемом он снова оживлял слушателей, возбуждал их детское внимание, развивал их познавательные интересы.

Как известно, в сборе материалов устного народного творчества участвовали и учителя, и учащиеся Симбирской чувашской школы. Были среди них, разумеется, и А.В. Рекеев, И.И. Иванов, Н.М. Охотников. Так, летом 1871 г. под руководством И.Я. Яковлева была организована фольклорная экспедиция в чувашские деревни Буинского уезда Симбирской губернии, в состав которой входили Рекеев и Иванов. Материалы экспедиции они удачно использовали потом в своих произведениях, например в статье Рекеева «Из чувашских преданий и верований», в сохранившихся 14 опубликованных и неопубликованных рассказах И. Иванова. Н.М. Охотников, будучи в 1881 г. в командировке в селе Кошки-Новотимбаево того же уезда, записал сказку-легенду о чувашском юноше Иштекане, который женился на дочери водяного духа и начал тем самым род водяного – «вутайш йахё» [2, с. 119]. В родной деревне Чувашская Чебоксарка Казанской губернии им записано народное сказание «О богатом, мужественном чувашине по имени Утлас». Согласно поэтичному описанию автора Утлас мужественно охранял себя и свой дом от разбойников. И хотя Утласа давно нет, его дух продолжает жить в виде киреметя под березой, посаженной Утласом. Если кто-либо отнесется непочтительно к березе, дух Утласа может наказать его болезнями, избавиться от которых возможно, только попросив прощения у киреметя, зарыв под деревом медную монету [5, с. 11–13]. Н.М. Охотников считал, что обе легенды содержат этнопедагогические находки, имеют этнопедагогическую ценность, емкий образовательно-воспитательный потенциал, поскольку они включают в себя многочисленные эпитеты, метаморфические сравнения («красивые вороньи кони с колокольчиками», «люди, поддерживающие чувашей, близко к ним стоящие», «осмелившийся», «стращать», «беспокойный период» и т.д.), показывают идеал женской и мужской красоты чувашей (богатый, мужественный, храбрый, умеющий искусно охранять

себя от неприятелей юноша и целомудренная девушка, красивая, как русалка), демонстрируют национальную самобытность чувашей, могут служить благодатным дидактическим материалом в эстетическом и духовно-нравственном воспитании учащихся.

Выводы. В результате исследования выявлено, что первые чувашские просветители, учителя А.В. Рекеев, И.И. Иванов, Н.М. Охотников были единомышленниками, верными соратниками И.Я. Яковлева, горячими приверженцами К.Д. Ушинского. По их твердому убеждению, формирование гармоничной личности патриота должно осуществляться непременно на основе обычаев, традиций, устно-поэтического творчества родного народа. Они проделали огромную работу среди населения по сбору и изучению фольклорно-этнографических источников, пансофических универсалий этнопедагогике – пословиц, загадок, сказок, легенд, песен, по практическому применению собранных материалов в учебно-воспитательном процессе для его совершенствования, по созданию для народного просвещения философско-педагогических трудов. Тем самым в невероятно тяжелых условиях своего времени они смогли сделать «духовные сокровища этнопедагогической пансофии» достоянием науки, сохранить их для последующих поколений.

Список литературы

1. Волков Г.Н. Этнопедагогическая пансофия: монография. Элиста: Калмыцкий государственный университет, 2009. 576 с.
2. Воробьева И.В. Этнопедагогические идеи и просветительская деятельность Н.М. Охотникова: дис...канд. пед. наук. Чебоксары, 2004. 193 с.
3. Воробьева И.В., Иванова Т.С. Учителя Симбирской чувашской школы о семейном воспитании // Халӑх школӑ. Народная школа. 2008. № 6. С. 5-7.
4. Воробьева И.В. Этнопедагогическое содержание трудового воспитания в наследии первых чувашских педагогов // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 2.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=24248> (дата обращения: 09.08.2018).
5. Охотников Н.М. Записки чувашина о своем воспитании. 1888: рукопись. НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед.хр. 2248. №8644. Л. 1-63.
6. Охотников Н.М. Чувашские песни. 1890: рукопись. НА ЧГИГН. Отд.1. Т.27. Л. 1-22.
7. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. НА ЧГИГН. Отд. 2. Т. 189. Ед.хр. 189. Инв. №458. Л. 141-197.
8. Иванова Т.С. Первые учителя-ульяновцы и их роль в просвещении чувашей: дис...канд. пед. наук. Л., 1972. 249 с.
9. Долгашева М.В., Долгашев К.А. Использование методов поощрения и наказания в

чувашской этнопедагогике // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2018. № 2(98). С. 179-184.